

СНЕЖАНЬ

3

СЕРЫЯ 4, 1988

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

Філалогія
Журналістыка
Педагагіка
Псіхалогія

МІНСК
ВЫДАВЕЦТВА
УНІВЕРСІТЭЦКАЕ

1988

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Скоропанова И. С.</i> Проблема правасценнага выбара ў паэзіі В. Н. Сокалова	3
<i>Антропаў М. П., Ліцвінка В. Д.</i> Славуты фалькларыст і лексікограф (Да 200-годдзя з дня нараджэння І. І. Насовіча)	6
<i>Казакова Т. П.</i> Творчасць Грыгорыя Цамблака ў Вялікім княстве Літоўскім і дрэвнерусскай аратарскай проза	9
<i>Кириллова Т. Д., Козинина А. Н.</i> Публіцыстычнасць прадисловія Б. Шоу к «непрыятным п'есам»	12
<i>Саркісова Н. М.</i> Асабнасці паэтычнага стыля С. Т. Кольрыджа	15

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Шакун Л. М.</i> Савецкая эпоха — найважнейшы этап у гісторыі беларускай літаратурнай мовы	18
<i>Яновіч А. І.</i> Старажытнарусскія традыцыі царкоўнага красамоўства ў творчасці Ф. Скарыны	24
<i>Мезенка А. М.</i> Імя пісьменніка ў гаданіміі Беларусі	28
<i>Казейка І. П.</i> Патэнцыяльныя словы ў беларускай мове	32
<i>Смольская Л. И.</i> Наіменаванне ліц ў рускім і беларускім мовах (К вопросу о категории рода)	34
<i>Варивончик В. Ф.</i> Пропозициональные функции ад'ектыўнай лексики	38
<i>Павловская Н. Ю.</i> Авторская ремарка ў складзе канструкцыі з прамой рэччу як база фарміравання ввяднага кампанента высказвання	41
<i>Бельская В. А.</i> Названні ліц па вонкавай характарыстыцы ў словацкім і рускім мовах	45
<i>Колоцей С. Н.</i> О семантычнай арганізацыі пасловіц	48
<i>Груца А. П.</i> Лексічнае гняздо з дзеясловам <i>ошукати</i> ў якасці апорнага слова ў усходнеславянскіх мовах	50

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Плаўнік А. А.</i> Станаўленне і развіццё мастацкага вяшчання на беларускім тэлебачанні	54
<i>Руткевіч С. А.</i> Неузвальная сінтагматыка як сродак выразнасці газетнага заголовка	57
<i>Ухванова-Шмыгова И. Ф.</i> Семіаітычны аналіз плана зместа тэкставага матэрыяла сучасных лозунгаў-плакатаў	61

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Степаненков Н. К., Пенкрат Л. В.</i> Деловая игра ў педагогіцы як форма прафесійнай падрыхтоўкі студэнтаў	66
<i>Пе Хун Су.</i> Лінгваметодычная інтэрпрэтацыя семантызацыі прыводных слоў ў карейскай аўдыторыі	69

РЭЦЭНЗІІ

<i>Кахоўская Л. Ф.</i> Г. В. Ермоленко. Анонімныя прадзвіненні і іх аўтары	72
<i>Рагойша В. П.</i> М. А. Новікова. Прекрасен наш союз: Літаратура — пераводчык — жыццё	73
<i>Сцяцко П. У., Чайкун П. М.</i> Г. Ф. Юрчанка. Сучаснае народнае слова: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны	74
<i>Кадушына А. А., Л. В. Сундукова.</i> Абрамаванне ў сучасным свеце: становішча і тэндэнцыі развіцця	75
<i>Лазоўскі У. М.</i> А. М. Поповскі. Мова фальклору та мастацкай літаратуры Півдэннага Украіны XIX — пачатку XX стагоддзя	76

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Іван Іванавіч Сачанка	77
Владзімір Васільевіч Макаров	78

С. А. РУТКЕВИЧ

НЕУЗУАЛЬНАЯ СИНТАГМАТИКА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА

Слова языка, хранимые нашей памятью в их парадигматике, в процессе развертывания содержательной стороны речи объединяются в синтагмы в соответствии с имеющими статус нормы лексико-семантическими и собственно лексическими ограничениями сочетаемости.

О лексико-семантических ограничениях говорят, когда заданность, ограниченность выбора лексической единицы определяется свойствами референта имени, семантически закономерна (правила выбора формулируются как пресуппозиции относительно референтов смежных элементов).

О лексических ограничениях сочетаемости говорят, когда они не зависят от природы денотата, когда выбор компонента предопределен именем как совокупностью означающего и означаемого. Жесткая фиксация сочетаемости (во фразеологии, в полностью или частично грамматализированной перифрастике, в клишированных выражениях) напоминает соединение основы с аффиксом в процессе деривации, когда при наличии синонимических суффиксов словообразующая основа останавливает свой выбор на одном из них, скрепляя себя с ним прочными узами¹.

Выбираются ли элементы синтагм совместно (идиомы, перифразы, клише) или порознь, в процессе формирования конкретных коммуникативных единиц речи, они в обоих случаях обнаруживают способность «возбуждать друг друга» в нашем уме. («... Действительный глагол возбуждает в нас имя в форме винительного падежа, частица *если бы* — глагол с окончанием прошедшего времени, слово *износить* возбуждает слово *платье, обувь*; слово *внести* — *деньги, нанести* — *оскорбление, одержать* — *победу*... Такая способность слов возбуждать друг друга основана на психическом законе ассоциации по смежности...»²).

Вместе с тем «совершенно очевидно, что хотя в процессах говорения мы часто просто повторяем нами раньше говорившееся (или слышанное) в аналогичных условиях, однако нельзя этого утверждать про все, нами говоримое. Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали, от данных слов производим слова, не предусмотренные никакими словарями... не только употребляем слышанные сочетания, но и постоянно делаем новые»³.

Нарушение норм сочетаемости может свидетельствовать либо о недостаточном уровне владения языком, либо о переносном, метафорическом значении слова, выступающего в новом контексте.

Коммуникативно оправданные, художественно выразительные «обма-

ны ожидания», к которым прибегает говорящий в процессе актуализации виртуальных знаков, их семантического развертывания в речи, активизируют внимание реципиента, вызывают ощущение новизны, свежести, апеллируют к восприятию языка как эстетического объекта.

Примерами неузальной синтагматики изобилует текстовая фактура произведений художественной литературы. Авторы часто используют ее для идейно-тематической акцентуации уже в названиях: Гроздь гнева (Дж. Стейнбек); Чрево Парижа (Э. Золя); Рожденные бурей (Н. Островский); Человек в футляре (А. П. Чехов); Суд памяти (Е. Исаев); Диктатура совести (М. Шатров) и т. д. Яркая метафоричность подобных речевых «изобретений» мастеров художественного слова позволила многим из них стать «крылатыми»: память сердца (К. Н. Батюшков); властитель дум, в Европу прорубить окно (А. С. Пушкин); сеять разумное, доброе, вечное (Н. А. Некрасов); наступать на горло собственной песне (В. В. Маяковский) и т. д.

Отступления от узуса особенно заметны в газетной речи из-за ее значительного автоматизма. Нарушение ограничений сочетаемости слов, постоянное расшатывание первичных функций языковых знаков, обращение номинативного процесса в русло вторичной номинации — это диалектика языка, позволяющая разгадать его феноменальное совершенство как средства общения. Анализируемый в статье материал (газетный заголовок; название рубрики, подпись к фотографии, карикатуре) позволяет сделать как бы моментальные снимки, фиксирующие «работу» языка в нашей речи, его «творчество» в создании выразительных (образных, точных, емких) речевых единиц. «Снимки» эти сделаны со страниц «Правды», «Известий», «Литературной газеты», «Знамени юности», «Труда» и некоторых других изданий 1985—1986 годов.

Поскольку наиболее регламентированной является лексическая сочетаемость в идиоматике, перифрастике, речевых штампах, клишированных выражениях, постольку именно здесь отступления от нормы проявляются особенно отчетливо. Рассмотрим некоторые типичные нарушения собственно лексической сочетаемости, мотивированные стремлением к выразительности окказионализмов. Примерами раскрепощения фразеологизмов являются такие заголовки, как **Стоит выделки новинка; День закрытых дверей; Ждут у моря... газеты; Заплечных дел... учителя; Инструкции в колесах** и т. п.

В речи часто используется возможность намеренного переназначивания фразеологизмов, их обыгрывания⁴. Как известно, один из приемов обыгрывания идиом заключается в намеренном столкновении фразеологически связанного и свободного значений слова — вид каламбура. (Примером может служить такой заголовок: **Рекорды целы, побиты... шкафы.**) В ранее же приведенных — использован другой прием: свободное значение слова не противопоставляется его фразеологически связанному значению, а служит основой для своего рода «перелицовки» идиоматического выражения.

Такие «модификации» фразем очень экспрессивны: слова, заполняющие узнаваемые синтаксические образцы, формулы, воспринимаются на фоне имплицитных ими узальных лексических наполнений как неожиданно преобразившиеся знакомые. В подобном индивидуальном построении образ приобретает двойную перспективу: он воспринимается в его конкретном наглядном изображении (**Инструкции в колёсах**) и в то же время вбирает в себя иносказательный смысл узального (трансформированного) выражения (*вставлять палки в колеса*).

Идиоматичность, образность устойчивых конструкций способствует реализации возможностей их переименования. Связанные составные наименования, лишённые образности, реже подвергаются «перелицовке»: **Выхлопные фразы, Бетонический сад, Квартира со всеми проблемами, Не востребованные богатства.**

Как нарушение лексических ограничений сочетаемости надо рассматривать и видоизменение известных афоризмов, выражений, названий

произведений художественной литературы, кино, песен: **Чтоб землю в Герате крестьянам отдать; Быт или не быт; Развод по-кустанайски; Лучшая оборона — убийство; Блеск и нищета жанра; И забор в нее бросает** и т. п. Совершенно очевидно, что на выразительность подобных окказионализмов также «работает» вызываемый ими эффект двойной перспективы.

Перейдем теперь к рассмотрению механизма и типов нарушений лексико-семантических норм сочетаемости. Выход слова за пределы сочетаемости с именами реалий строго определенной категории сопровождается расширением значения этого слова. Новый референт «высвечивает» в переосмысляемом слове новый оттенок семантики. То, что по отношению к узуальному референту являлось в семантической структуре имени относительно существенным, становится центральным, ядерным по отношению к неузуальному референту. Ср., например: *сыпать соль* (крупу) и *сыпать цитатами, именами; разбить вазу и разбить сердце* и т. д.

Образность, метафоричность значения глаголов *сыпать, разбить* (в их переносном употреблении) уже значительно ослаблена, стерта (см. также газетные штампы типа *политический климат, гонка вооружений*). Всякое же нетрадиционное применение имени в отношении именованного очень ярко «зажигает» в нашем сознании ту ассоциативную связь, которую обнаруживают между собой 1) сигнификативное содержание переосмыляемой формы и 2) та часть объема, которая послужила внутренней формой переносного значения⁵. Среди служащих тому подтверждением газетных заголовков можно выделить некоторые типы неузуальной синтагматики:

1. а) неодушевленный референт на месте «подсказываемого» семантикой соседнего компонента одушевленного: **Поцелуй Белого дома, И правит бал бумага, Небоскребы сбрасывают вес, Колдобины со стажем, Жили-были стол да стулья, Неприкаянная дыня, На приеме у солнца;**

б) одушевленный экспонент денотата на месте «обещаемого» переосмыляемым компонентом неодушевленного: **Люди... на экспорт, Бумажные стада;**

в) абстрактное имя на месте ожидаемого конкретного: **Оскальпированные свободы, Автограф безответственности, Пытка неизвестностью, Эскиз волокиты, По сценарию «неоглобализма»;**

г) имя нарицательное на месте предполагаемого имени собственного: **Оксфорд-на-наркотиках, В главной роли — ЭВМ** и т. п. Указанные типы могут перекрещиваться. Например, к типам а) и в) одновременно будут относиться такие заголовки, как: **Поселилась скука, Изгнание совести.**

Неожиданность синтагматического объединения в речи единиц языка может осознаваться и безотносительно к несоответствию узуса по лексико-грамматическим характеристикам одушевленности-неодушевленности, конкретности-абстрактности:

II. **Пули льют из героина, «Прилетел» омуль, Запланированные экспромты, Вопиющая... «непредвзятость», Вагонная страда** и т. п.

Образность подобных выражений намного слабее, нежели в сочетаниях из группы I. Образ (в художественном плане) — это живое, наглядное, конкретное, индивидуальное по форме обобщенное отражение действительности, и именно сочетания типов а), в) свидетельствуют о стремлении нашего мышления к атропоморфизму, конкретности при презентации абстракций, являющихся содержанием сознания; отсюда — употребление названий духовных реалий в контексте, типичном для названий физических реалий.

В обоих случаях (см. группы I и II) неожиданным, непривычным будет лексическое замещение определенной позиции в синтаксической структуре, поэтому классифицировать типы нарушений референтных пресуппозиций можно посредством указания на неузуально выраженную синтаксическую позицию субъекта, объекта, определения, обстоятельст-

ва, одного из однородных членов. Классификация по такому признаку может быть более детализированной и позволит учитывать различные виды субъектов, объектов, обстоятельств.

Парадигматическое значение каждого конкретного словосочетания определяется его соответствием определенной синтаксической формуле. Классификация типов неузуальной синтагматики поэтому может быть изоморфной классификации парадигматических значений композитов. Могут быть выделены неузуальные синтагмы со следующими, например, смысловыми отношениями между компонентами: пространственными — **Пляж... на заводе**; причинными — **Наказаны ... за инициативу**: целевыми — **Лекарство для пашни**; атрибутивными — **Калорийная должность**; генетическими — **Делавары из восьмого «Б»**; посессивными — **За решетками «земли обетованной»**; образа и способа действия — **Картошка по записи**; субъектными — **Оценит поле**; собственно объектными — **Экономия природы**; инструментальными — **Взлететь на парашюте**; комитативными — **Досуг... со скукой**; делиберативными — **Стратегия... катастрофы**; соединительными — **Демократия и формалин**.

Определенные типы игнорирования в речевых единицах лексико-семантических ограничений сочетаемости слов можно выделить посредством указания на характерные для «взрывного» эффекта неузуальных синтагм неожиданные столкновения отдаленных семантических полей, парадигматических рядов, охватывающих объединяемые слова и кодифицируемые ими понятия. Сталкиваться могут, например, термины медицины, биологии и этические категории, понятия: **Токсикоз совести**, **Ампутация памяти**, **Бациллы клеветы**. Метафорическому переосмыслению могут подвергаться слова первой из данных выше ЛСГ и в силу «соседства» с названиями экономических, географических, политических реалий: **Опухоль американской экономики**; **Страна, больная нищетой**.

Активно переосмысляются слова, синтаксические единицы, характерные для сферы торговли, сервиса, когда они участвуют в косвенной номинации вместе со словами, выходящими за пределы семантических классов, очерчиваемых референтными пресуппозициями смежных элементов: **Восторги в кредит**, **Дефицит мудрости**, **Закажите... настроение**, **Пошлость оптом и в розницу**, **Вам атомную или водородную?**

Экспрессивны конструкции, образованные путем столкновения понятий из жизни людей разных возрастных категорий, например: **Младенцы на дистанции**, **Ответчики с погремушками**, **Обучение... до рождения?** Выразительно также столкновение в общем контексте понятий из мирной и военной жизни: **В школу с кольтом**, **«Искусствоведы» с пистолетами**, **Ракета в палисаднике**. Показательны в плане намеренного столкновения слов из различных СЛГ и те примеры, которые свидетельствуют об антропоморфизме нашего мышления: **Америка на перепутье**, **Деньги «кричат»**.

Среди примеров неузуальной синтагматики в границах композита очень выразительны те речевые единицы (заголовки), которые обнаруживают удачное обыгрывание омонимичности или паронимичности замененного и заменяющего компонентов: **Что слышим мы по воле «рока»**, **Ижданный ГОСТ**, **Бетонический сад**, **Бабушка и «Витязь»**, **Альтер мотивы**.

Для указания на то, что слово употреблено в метафорическом или ироническом значении, в газетном заголовке часто используются чисто графические кавычки: **«Подопытные кролики» бизнеса**, **«Нокдаун» подшитом**, **Для кого земля «сладкая»**, **«Конструкторы» бумаг**⁶. Для акцентирования внимания на неожиданности сопряжения понятий применяется другое графическое средство — многоточие: **«Бонни М»... на пионерской линейке**, **Конкурс эрудитов и... недоучек**, **Банки... отчаяния**.

Творческая энергия газетного заголовка способна как бы взорвать изнутри узувальное соединение в составе производного слова ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака и заменить его не-

ожиданным, окказиональным: **Разговоротерапия, Электропарадоксы, Смехо-монтажное управление.**

Как и в пределах ономаемы-композиата, в составе деривата наиболее выразительно такое невузальное объединение компонентов, которое использует паронимию (или контаминацию) замененного и заменяющего компонентов: **Психология «нолеводства», Судсовет, Потехосмотр, Невероятные приключения лжелезнодорожника.** Для сигнализации замены привычного форманта также могут использоваться графические средства, например, выделение части слова большими буквами: **Мы сами на СОИвой похлебке и не жалуемся, ПентаГОНКА вооружений, АфоНАризмы.**

Таким образом, невузальная синтагматика разрушает автоматизм повседневной речи, активизирует наше внимание, предотвращая тем самым возможность искажения информации в канале связи (информативный аспект). Она иллюстрирует реальные процессы функционирования языка, в которых происходит подгонка и приспособление значений слов и синтаксических конструкций к тому, что обозначается в данном высказывании. Это диктуется одним из сущностных свойств языка — экономичностью — и согласуется с асимметрией языкового кода — гетерогенностью его плана содержания и плана выражения (теоретический лингвистический аспект). Внимание к обусловленным неожиданным контекстом семантическим «преображеньям» слова воспитывает в нас способность чувствовать слова языка «на вкус и цвет», ощущать притягательную силу образной, емкой, точной, выразительной речи (художественно-эстетический аспект). Интерес к данной тематике может иметь и непосредственный, прикладной характер, например, для журналистики.

¹ См.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

² Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. С. 65.

³ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24.

⁴ Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.

⁵ См.: Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977. С. 131 и далее.

⁶ См.: Садохина Т. П. Кавычки как показатель контекстного значения слова // Русский язык в школе. 1987. № 1.